

Переводы рассказа Л. Н. Толстого «После бала» на татарский язык

*проблема перевода, художественная литература,
сравнительно-сопоставительный текстуальный анализ*

Проблема перевода была и остаётся одной из главнейших в сравнительно-сопоставительном изучении литературных явлений. Компаративистика как наука об изучении литературных связей и отношений набрала достаточно большой как теоретический, так и практический опыт в этой области. Если говорить о проблеме русско-татарских литературных связей и отношений, то сегодняшний исследователь-компаративист может оперировать достаточно серьезным научно-теоретическим и практическим материалом в этой области.

Вместе с тем проблема перевода художественного текста в рамках региональной компаративистики, в частности, перевод русских и зарубежных классиков на татарский язык, остается без должного внимания. Проблема эта как предмет внимания современного компаративиста, на первый взгляд, кажется не столь необходимой, поскольку, как представляется многим, и это правда, татарская нация, как достаточно рано приобщившаяся к русскому языку и культуре, читает на языке подлинника. Казалось бы, сегодняшнего компаративиста вопросы переводоведения должны занимать в обратном отношении, а именно в том, как переводятся произведения татарских авторов на русский и другие языки. Однако проблема перевода русской, зарубежной литературы на татарский язык в её историческом развитии как процесс приобщения татарской нации к русской, а через неё к мировой культуре, активно формирующийся с первых десятилетий XX века, по сей день продолжает оставаться изученной далеко не в полном объёме и потому требует пристального внимания.

Отправным положением в нашем исследовании является признание проблемы перевода русской, зарубежной классики на татарский язык органически связанной с процессом формирования и становления национальной литературы, поскольку именно опыт перевода даёт возможность обогащения, развития воспринимающей литературы, внося в неё лучшее из воспринимаемой литературы: срабатывает принцип «восприимчивости», о котором на примере творчества А. С. Пушкина говорил Ф. М. Достоевский. В конечном итоге, изучение переводов способствует постижению процесса формирования того «золотого ядра», который как универсальная художественно-эстетическая ценность и становится показателем вхождения национальной литературы в контекст мировой литературы.

Переводчик, который стремится создать полноценное литературное произведение на своём языке, должен не только входить в смысловое содержание переводимого текста, но и проникать в тайны его стиливого (художественного) выражения, поскольку именно стиль произведения определяет авторскую исключительность, его отличие от другого. Через

постижение стиля художественного слова переводимого автора, переводчик постигает главное в художественной лаборатории того, кого он переводит, а именно, тип художественного мышления.

Переводчик стремится к максимальному приближению к художественно-смысловому содержанию переводимого, к его эстетической ценности. Однако перевод – это всегда «вторичный» текст, всегда интерпретация, за которой стоит творческая индивидуальность самого переводчика, особенности его художественного мышления. Идеальный перевод, на наш взгляд, всегда говорит о максимальной схожести типов мышления двух творческих личностей: автора и переводчика.

Многие художественные тексты имеют по несколько переводов на другие языки. Если же говорить о переводах на татарский язык русской классики, то мы, к сожалению, вынуждены констатировать факт отсутствия многократных переводческих обращений. Как об исключениях, можно говорить лишь об отдельных произведениях русской и зарубежной классики, к числу которых относится, например, рассказ Л. Н. Толстого «После бала», который в рамках данной статьи станет предметом наших рассуждений о переводческом мастерстве.

Рассмотрим рассказ «После бала» в двух его переводах на татарский язык, выполненных С. Адхамовой в 1935 году и Г. Бикбулатом несколько позже, в 1938 году.

Известно, что о качестве перевода можно говорить на примере различных уровней текста: его смыслового содержания, художественно-стилевых особенностей и т.д. Нам же представляется интересным рассмотреть два названных перевода рассказа Л. Н. Толстого с целью выявления стилового своеобразия «вторичных» текстов. Как нам представляется, любопытно сделать это на примере отдельных языковых единиц, от которых и зависят отличительные особенности каждого текста. Как весьма существенную единицу текста в его стиловой особенности возьмем синтагму – ритмико-синтаксическую единицу, поскольку текст прозы как речевой поток при помощи пауз, интонаций расчленяется на ритмико-синтаксические единства (синтагмы), которые в свою очередь образуют фразы, представляющие собой законченные высказывания. Именно синтагма определяет ритмико-мелодический строй языков, а значит языка оригинала и языка перевода.

На наш взгляд, из рассуждений одного из теоретиков художественного перевода Гиви Гачечиладзе можно получить весьма действенный опыт анализа художественного перевода через перевод синтагм с одного языка на другой. Опираясь на очевидное, а именно на то, что переводчик не переводит каждое слово в отдельности, что является буквализмом, он на примере ряда исследований по проблемам перевода говорит о значимости для переводчика умения работать с синтагмами – языковыми единицами. Так, он пишет: «Основная языковая единица, с которой сталкивается переводчик прозы, это не слово, а синтагма – смысловая группа слов, их ритмико-синтаксическое объединение, связанное с другими сходными объединениями и осмысленное в единстве с фразой и со всем контекстом» [Гачечиладзе 1980: 178]. Процетированное высказывание говорит о том, что даже самая

незначительная часть текста не может восприниматься и осмысливаться вне смыслового и художественного контекста всего произведения.

В свете данного определения рассмотрим два перевода нескольких «фокусных точек» рассказа Л. Н. Толстого «После бала» на татарский язык, выполненных, как сказали выше, С. Адхамовой и Г. Бикбулатом. Начнём с переводов первого абзаца рассказа.

Перевод С. Адхамовой:

– *Менә сез, / нәрсә яхшы, / нәрсә начар икәнлеген / кеше үз-үзеннән аңлый алмый, / бәтен эш / әйләнә-тирәнең нинди булуында, / әйләнә-тирә хәрәп итә, дисез. / Ә мин , / бәтен эш / ничек туры килгә карый, / дип уйлыйм. / Үз турында әйтәм менә мин...* [Толстой 1935: 137].

Перевод Г. Бикбулата:

– *Менә сез әйтәсез, / нәрсәнең яхшы, / нәрсәнең яман икәннән / кеше үзеннән үзе аңлый алмый, / эш тирәлектә, / тирәлек йота, дисез. / Ә мин, / бәтен эш очракта, / дип уйлым. / Мин менә үземнең хакта әйтәм...* [Толстой 1938: 73].

Текст Л. Н. Толстого:

– *Вот вы говорите, / что человек не может / сам по себе понять, / что хорошо, / что дурно, / что все дело в среде, / что среда заедает. / А я думаю, / что все дело в случае. / Я вот про себя скажу...* [Толстой 1987, 11: 308].

Во втором переводе сохранено количество синтагм – ритмико-синтаксических единиц речи, определяющих смысловое и стилистическое выражение высказывания: у Г. Бикбулата, как и у Толстого, их 10. Адекватный перевод синтагм в речи Толстого воссоздает ритм прозы оригинала. Симметричное расположение словесных сочетаний с повторяющимися словами, создающими эффект ритма прозы («*нәрсәнең яхшы, нәрсәнең яман*», «*кеше үзеннән үзе аңлый алмый*», «*эш тирәлектә, тирәлек йота*»), даёт возможность правильного воспроизведения интонации и ритма оригинала.

У С. Адхамовой количество синтагм в переводе увеличено на 2 единицы. Ей не удалось уловить интонацию и ритм оригинала. Уже первая усеченная синтагма «*Менә сез*» (вместо «*Менә сез әйтәсез*») сбивает с ритма чередования синтагм толстовской прозы. Правда, вторая и третья синтагмы, благодаря повторяющимся словам («*нәрсә яхшы, нәрсә начар*») и рифмующимися словами («*үз-үзеннән аңлый алмый*»), создают эффект ритма оригинала. Следующие две синтагмы, также имея повторяющиеся слова, воспроизводят ритм оригинала. Однако они по причине ввода лишнего слов («*бәтен*», «*нинди булуында*») становятся «тяжелыми», несоответствующими стилю оригинала. Г. Бикбулат же переводит эти синтагмы Толстого («*что все дело в среде, / что среда заедает*») адекватно и лаконично – «*эш тирәлектә, / тирәлек йота*».

В первом же абзаце устами Ивана Васильевича, который начинает диалог со слушающей его молодежью, содержится полемика между теми, кто говорит о влиянии общества на формирование личности, и Иваном Васильевичем, который стоит на моральной ответственности отдельной личности перед самим собой и перед обществом в целом. Poleмика формулируется автором как основная проблема произведения. Первый абзац

рассказа Толстого является ключевым в осмыслении всего его содержания. Центральный образ произведения – «случай» – тоже содержится в этом абзаце: о случае из жизни Ивана Васильевича и пойдёт повествование в рассказе. «Случай» в контексте смыслового содержания произведения не является простым маркером эпизода повествования, «случай» у Толстого – это философско-эстетическая единица, через которую Толстой рассуждает о человеческой жизни, событиях, происходящих в её рамках. Через понятие «случай» Толстой в целом ряде своих произведений говорит о человеческих судьбах, оно гораздо шире понятий «среда», «общество» и даже «время».

Произведение Толстого структурировано по канонам классического жанра: начало и конец перекликаются. Казалось бы проблема, заданная в начале рассказа, через описание случая из жизни героя раскрывается в финале: герой увидел то, за что ему стало стыдно: *«Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой»* [Толстой, 11: 316]. Однако Иван Васильевич предстаёт перед необходимостью оценивания случайно увиденного. Среда даёт ему возможность «сердцем» среагировать на увиденное, как на что-то дурное, но осознать, в чём увиденное «дурно», герой не смог: *«Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было – дурное дело? Ничуть. “Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал”, думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался – и потом не мог узнать этого»* [Толстой, 11: 317]. Таким образом, финал произведения остаётся открытым, поскольку герой не смог соединить в одно целое реакцию сердца с сознанием того, что увиденное было «дурным» делом, *«если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым»* [Толстой, 11: 317].

Говоря о финале этого произведения, стоит напомнить о своеобразном толковании Толстым человеческой сущности своих героев. Лучшие герои Толстого в кардинальных ситуациях своей жизни инстинктивно подчиняются ощущениям сердца. Например, Константин Левин из романа «Анна Каренина» не может «понять разумом», что в жизни «хорошо», что «плохо», однако «законы добра» открываются ему сердцем: *«Мне лично, моему сердцу, открыто, несомненно, знание, непостижимое разумом...»* [Толстой, 8: 417]. Иван Васильевич тоже оказывается в ситуации, в оценке которой доминирует голос сердца. Именно потому он *«не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился»* [Толстой, 11: 317]. На это «никуда не годился» слушающая молодежь среагировала так: *«Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годилось, кабы вас не было»*, что говорит о том, что для многих Иван Васильевич своим образом жизни стал нравственным камертоном общества [Толстой, 11: 317].

Сказанное о жизненной ситуации героя, определяемой понятием «случай», которое по принципу кольцевой композиции связывает начало произведения с его финалом, диктует необходимость обращения внимания на перевод этого ключевого слова-понятия «случай». С. Адхамова синтагму с этим ключевым словом переводит так: *«бәтен эш ничек туры килүгә карый»* (все дело в том, как оно сложится / как получится) [Толстой 1935:137].

Синтагма перегружена лишними словами, что даёт сбой с ритма оригинала. Общий смысл передан верно, однако семантические нюансы не схвачены: перевод синтагмы С. Адхамовой не совсем адекватен семантике толстовского понятия «случай».

Перевод же Г. Бикбулата абсолютно точен в отношении к оригиналу: *«бөтен эш очракта»* (все дело в случае) [Толстой 1938: 73].

Если говорить о переводах финальной фразы (она приведена нами выше), они тоже разнятся. С. Адхамова переводит эту фразу так: *«Мин: “Бу эшнең шундый ышаныч белән эшләнүе һәм бөтенесе тарафыннан кирәкле бер эш дип табылуы, аларның нинди дә булса мин белмәгән бер нәрсәне белүләрен күрсәтә”, - дип уйладым һәм шул нәрсәне белергә тырыштым»* [Толстой 1935: 156].

У Г. Бикбулата *«Мин: “Бу әгәр шундый ышанычлык белән эшләнгән һәм кирәкле эш дип һәр кем тарафыннан танылган икән, ул вакытта, димәк, алар мин белмәгән шундый берәр нәрсәне беләләрдер”, – дип уйладым һәм шуны белергә тырыштым»* [Толстой 1938: 86].

Фраза Толстого начинается с указательного местоимения «это» (*«Если это делалось...»*) и завершается им (*«... и старался узнать это»*): в фразе выше у Толстого уже сказано, что речь идет о «*дурном деле*». С. Адхамова в приведенном фрагменте текста дважды конкретизирует это указательное «бу» («это»): «бу эшнең» («это дело»), «кирәкле бер эш» («это необходимое дело»). Повторяющиеся слова-уточнения в переводе Адхамовой, как видим, утяжеляют ритм текста.

Г. Бикбулат же при переводе начала фразы обходится без дополнительного слова «эш» («дело»), начинает её так, как Толстой: *«Бу әгәр...»* («Если это...»). Правда, и он слово «эш» («дело») прибавляет, когда переводит сочетание *«всеми необходимым»* – *«кирәкле эш»* («необходимое дело»). Однако его вариант оправдан: добавленное слово «эш» («дело») имеет функцию не только уточнения, но создаёт эффект ритмизации синтагмы *«кирәкле эш дип һәр кем тарафыннан танылган икән»*.

Если говорить о синтагмах рассматриваемой фразы в двух его переводах, то первая синтагма текста Г. Бикбулата *«Бу әгәр шундый ышанычлык белән эшләнгән»* полностью соответствует синтагме толстовского текста: *«Если это делалось с такой уверенностью»*. Вторая синтагма *«һәм кирәкле эш дип һәр кем тарафыннан танылган икән»* («и признавалось всеми необходимым делом») тоже максимально соответствует синтагме толстовского текста: *«и признавалось всеми необходимым»*. Эти две синтагмы, как и у Толстого, содержат упорядоченное расположение смысловых и синтаксических элементов текста. Ритм в этих синтагмах создаётся благодаря рифмующимся *«эшләнгән», «танылган»*.

Повторяющийся глагол *«знать»*, являющийся смысловой опорой в третьей и четвертой синтагмах текста оригинала, Г. Бикбулат переводит в рамках такой языковой единицы, в которой повтор глагола *«белү»* («знать») придает эффект эмоционального нагнетания, создающего ритм языковой единицы: *«...”мин белмәгән шундый берәр нәрсәне беләләрдер”, – дип уйладым һәм шуны белергә тырыштым»*.

В переводе С. Адгамовой первая и вторая синтагмы тоже ритмизируются рифмующимися «*эшләнүе*», «*табылуы*»: «*Бу эшнең шундый ышаныч белән эшләнүе / һәм бәтенесе тарафыннан кирәкле бер эш дип табылуы...*». В третьей и четвертой синтагмах текста С. Адгамовой неоправданные повторы «*бер нәрсәне*», «*шул нәрсәне*» несколько искажают текст оригинала («...*“аларның нинди дә булса мин белмәгән бер нәрсәне белүләрен күрсәтә”, – дип уйладым / һәм шул нәрсәне белергә тырыштым*»). Можно было вместо «*шул нәрсәне*» обойтись указательным местоимением «*шунны*», как сделал это Г. Бикбулат, что соответствовало бы тексту оригинала.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный текстуальный анализ даже нескольких языковых единиц-синтагм из двух переводов рассказа Л. Н. Толстого «После бала» даёт нам возможность оценки переводов в их соответствии не только смысловому содержанию оригинала, но и его художественному уровню. Перевод Г. Бикбулата свидетельствует о максимальном приближении переводчика к художественному мастерству Л. Н. Толстого.

Литература

Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Р. Гачечиладзе. – М.: Советский писатель, 1980. – 256 с.

Толстой Л. Н. После бала / Л. Н. Толстой // Собр. соч. В двенадцати томах. – М.: Правда, 1987. – Т. 11. – С. 308-317.

Толстой Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой // Собр. соч. В двенадцати томах. – М.: Правда, 1987. – Т. 8. – С. 5-418.

Толстой Л. Н. Утро помещика. После бала / Л. Н. Толстой // пер. на татар. Адхамова С. – Казань: Таткнигоиздат, 1935. – 158 с.

Толстой Л. Н. Рассказы / Л. Н. Толстой // пер. на татар. Бикбулатовой Г. – Казань: Таткнигоиздат, 1938. – 96 с.